

москoвские
ПОЭТЫ

ГАЛИНА ЩЕРБОВА

Вовремя

Москва
ИПО «У Никитских ворот»
2014

УДК 82-1
ББК 84 (2Рос=Рус) 6.5
Щ 66

Щербова Г.

Щ 66 *Вовремя. Стихотворения.*

М.: ИПО «У Никитских ворот», 2014. – 84 с.

ISBN 978-5-91366-

В книгу Галины Щербовой «Вовремя» вошли не издававшиеся стихотворения преимущественно 2011–2014 годов, которые составили разделы «Перламутровый сор», «Такой портрет», «Москва сегодня с самого утра...», «Лавка ароматов».

Поэт – уникальный инструмент, чутко резонирующий на проявления окружающего мира и способный высказать свои впечатления стихами. Умея понять себя, он способен понять другого человека и пережить его чувства, как свои. Любя свою землю, он той же искренней нотой откликается на многообразие характеров других стран. Воспринимая мир в образах, поэт откликается на позывные извне и воплощает свой отклик в стихи.

«Объекты поэтического отклика» – термин дан великим архитектором Ле Корбюзье – определяют индивидуальность любого художника. Авторское лицо поэта – в том, какие объекты вызывают в нём поэтический отклик, как он видит их, говорит о них, – в самобытном прочтении окружающего мира. Этим отчётливым авторским взглядом отличаются стихи Галины Щербовой.

УДК 82-1
ББК 84 (2Рос=Рус) 6.5

ISBN 978-5-91366-

© Щербова Г., 2014

© ИПО «У Никитских ворот», серия, 2014

ПЕРЛАМУТРОВЫЙ СОР

* * *

Здравствуй, дорогая! С первым снегом.
С поздним озареньем декабря.
Синий свет, безмолвие творя,
выплывает сказочным ковчегом.

Остужает, замыкает губы.
Остриём алмазного сверла
разлучает утлые тела,
утоляя свитеры и шубы.

Землю белизной окантовало.
Словно два зимующих зверька,
хрусталиями хрупкого ледка
мы аккомпанируем обвалу.

И, одолевая неприятье
снежного лихого помела,
трепет воробыного тепла
закключаем в тесное объятье.

2013

Облако-единорог

С. Д.

Взмыло над гаснущим лесом,
над позументом дорог
не отягчённое весом
Облако-единорог.

Будто начерчено мелом
на небосводе крутом.
Выросло, залиловело
и оказалось китом.

Кит, шевеля плавниками,
преобразился во тьму.
Звёздный планктон косяками
тронул усов бахрому.

Но на востоке, как рана,
света взведённый курок, –
в чреве у левиафана
Облако-единорог.

2013

** * **

Прекрасное тепло, привет, Июль,
посланец из прекрасного далёка!
Пульсирует недремлющее око
лучистостью трассирующих пуль.

Рябая тень как пятнышки косуль...
Но суть необратимости жестока –
уже Сентябрь со скоростью потока
на север поворачивает руль.

Летит на юг цыганщина грачей.
И шарят руки в поиске ключей –
пропахший нафталином зимний ларь
ждёт у печных горячих кирпичей.

И возвестит в восторге Божья тварь:
«Прекрасное тепло, привет, Январь!»

2014

Сизифов камень

Толкая камень собственного веса,
срывать, не добравшись до конца.
Прочитывать от первого лица
драматургию жизненных процессов
с динамикой в транскрипции Творца.

Отчаянно вершить Сизифов труд,
зачем – себе отчёт не отдавая.
Нащупывать Грааля изумруд
и трепетать, – не завела б кривая
в петлю, на осмеянье или в пруд.

Но как бы ни был болен или стар, –
за камнем вновь пойдёшь на дно оврага.
Сизифов труд – страшнейшая из кар, –
бессмыслица и смысл, беда и благо.
Сизифов камень – это Божий дар.

2014

Она идёт!

Весна идёт! Как волка ни корми,
он смотрит в лес, его мечты угрюмы.
Мы тоже стали белыми людьми,
перелиняли в белые костюмы.

Пусть истекает талою водой
невосполнимых месяцев обрубок.
Их длинный шлейф сменился чередой
коротких маек и коротких юбок,

коротких слёз и бесконечных нег.
Теперь в чести лишь ролики да лодки.
И все печали, словно старый снег,
ушли в дождеприёмные решётки.

2013

Весенняя зарисовка

Берёза легла на ореховый куст,
от неги сомлела.
Он принял её упоительный хруст,
мерцание тела.
Их корни сплелись под холодным пластом
сырого сугроба.
И ветви клялись – и божились крестом –
любовью до гроба.

2014

Пасха (Борисоглебск)

В свежести зелёных куполов
подлинность шестнадцатого века.
В сопряженье не прямых углов
самобытный почерк имярека –
отпечатки пальцев на стенах,
выбеленных известью по кладке,
в слюдяном окне во временах
сохранился код его сетчатки,
тембр молитв звучит в колоколах,
простираясь ширью поповодья...
Солнца блик на каменных полах
натянул косых лучей поповодья.
Ныне снова золото крестов
городок от смерти отстояло.
Жизнеутверждающих цветов
на заборах сохнут одеяла.

2013

Старинный мотив

В голове облака.
Взоры крепко залеплены синью.
На душе соловьи, словно кошки, скребут.
Руку ищет рука.
Голос разума молкнет бессильно.
Песня сердца гремит в ликовании сброшенных пут.

Сень раскидистых куп
укрывает влюблённых, балуя.
Неприметные тропки тайком убегают на пруд.
Кошельки алчных губ
открываются для поцелуя,
чтобы той же монетой тотчас расплатиться за труд.

1993–2014

* * *

А лето так и длится – без затей
за августом июнь пришёл до срока.
Стихия разыгравшихся страстей,
стихая, возвращается к истоку.
И я уже свободная ещё.
И ты не серый камень преткновенья.
Комар меня поцеловал в плечо
и отдал жизнь за чудное мгновенье.

1994–2014

Я буду камнем

Арсению Тарковскому

Я знаю... я буду – камень на могиле...

Приедете, коснитесь камня...

А. Н. Кривомазов,

«Воспоминания об Арсении Тарковском»

Я буду камнем на моей могиле
смирненно ждать касания руки,
касаясь листьев липы ли, ольхи,
травы, стрекоз, лучей, цветочной пыли...

Пусть даже обо мне давно забыли
и миру бесконечно далеки
печальный прах и старые стихи,
я знаю, что сегодня, завтра... или...

когда-нибудь дождусь в тиши глуши
наследника моей живой души,
его стихов. Я угадаю их
и благодарно выдохну: «Пиши...
ты – это я...» – и каждый новый стих
живёт вторым дыханием моих.

2011

* * *

Сошла с шестого этажа,
толкнула дверь наружу,
где листья трогают, дрожа,
остуженную лужу.
Неосмотрительно прогноз
погоды брать на веру.
Уже листва идёт вразнос,
идут ветра по скверу
мять кроны, скручивать винтом
их гибкие стропила...
Я отступила за зонтом,
а осень наступила.

2013

* * *

Бескровно небо. Голову вбивает
холодный фронт в дупло воротника.
Суконная двубортная тоска
души порывы преодолевает.

Близка зимы гружёная телега
и снежных баб хрустящий гарнизон.
Топорщится некошенный газон,
ошеломлённый первой пробой снега.

А в эпицентре всех пересечений,
ловя морозов льдистую струну, –
как девушки, готовые ко сну, –
стволы среди опавших облачений.

2013

Шёл снег с дождём

Я помню всё. Началом ноября
кропило небо рыхлую бумагу,
уйдя от всех к заросшему оврагу,
я рисовала вид монастыря –

надвратный храм за сыростью стволов,
решётки веток и решётки окон –
былой тюрьмы разрушившийся кокон
с отчаяньем застенков и углов.

Пером к листу наклонно шла рука.
От холода фаланги покраснели.
Тушь расплывалась там, где еле-еле
касались капли влажного штриха.

Я помню всё, – но не когда и кто, –
а цвет стены, фактуру небосвода...
Ловящую слова экскурсовода
я помню маму в драповом пальто.

2011

Розовый куст

Перламутровый сор.
Бело-розовый цвет.
Для хозяйки укор
перламутровый сор.
Выбегает во двор –
выметать или нет
перламутровый сор,
бело-розовый цвет?

2008

Ивану

Огромный мир в объятья заключу.
Но как ряды любимых поредели!
Ты был во всём, – держу в руке свечу, –
в безумствах и поступках на пределе,
готовый лечь за истину костью...
Отныне нет надежд на воскресенье.
Мы оба были летними людьми.
Но всё же я немного повесенней.

2013

Коломна

Москворецких далей панорама.
Как в непритязательном ремейке,
девушка в тени святого храма
с книгой примостилась на скамейке.

Небосвод простёрся синей ширью,
плещет ветка вызревшей черешни.
Девушка склонилась над Псалтырью,
пряча взгляд рассеянно-нездешний.

Монастырских крыш лепные главки
отвлекают чуть заметным креном.
Юная монахиня на лавке
душераздирающе смиренна.

Красота отчаянно условна.
Безусловны лишь святые лики.
А вокруг опрятная Коломна,
огороды, полные клубники.

2013

* * *

Затворов заскорузлых ржавый скрежет –
забыто назначение ключей.
Полгода в доме проживала нежить
за пазухой снегов-бородачей.

Мы делим с ней законные владенья –
недвижимость и год – напополам.
Зимой здесь обитают привиденья
и плесенью таятся по углам...

На летней шляпе дымкой паутина
от долгой невостребованности.
Внутри – лишь запустения картина.
Снаружи – мир, готовый расцвести.

2013

* * *

На небе пасмурная взвесь.
Чем утешаться впредь и днесь,
когда красивый и шальной
намедни разорвал со мной?
Белья опавший лоскуток –
ненужный аленький цветок.
Кровати выстывшая печь,
хоть по диагонали лечь –
не достигнешь её границ,
хоть навзничь, хоть ничком, хоть ниц...
Окна бесстрастный небосвод.
Угрюмо пропускаю ход.

2013

Озеро Усмынь

Вечерние птицы ещё не кричат.
Дневные уже не поют.
Покинули юзеры озера чат.
Тих волнообразный приют.

Умерился звон тростниковых оков.
Луну отражает весло.
Флотилией выводок у берегов,
не вставший ещё на крыло.

Покуда охота не разрешена,
бескровно течёт бытиё.
Охотник за ними следит дотемна,
задумчиво глядя ружьё.

Несут из некосов его сеттера
репы на ушах и груди.
Над озером тучами крутят ветра,
и шкурят поверхность дожди.

Во тьме даже рыба недвижно тиха,
бессильно молчит эхолот.
А кряква уводит птенцов от греха
подальше в безлюдье болот.

2013

Смешалось время

Потеряла мамины часы.
Соскользнули с узкого запястья
посреди осеннего ненастья –
знак начала чёрной полосы.

Затерялись в огненной листве.
Растворились, словно в стоге шило.
Первым снегом всё запорошило.
И смешалось время в голове.

Жизнь качнула чашами весов,
где-то, как диковинное семя,
летнее показывая время,
бьётся сердце маминых часов.

2012

Всё снег

С капустным хрустом сыто и остро
поскрипывают синие сугробы.
Знакомый путь от дома до метро –
наичистейшей, наивысшей пробы.

Снег от души сугробы замесил
и на кустах свою развесил пряжу.
Трясёт деревья ветер что есть сил –
как продавец букеты на продажу.

Взвивается мгновенный ураган.
Шарф обретает силу оберега.
Прицельно в оттопыренный карман
слетает ком рассыпчатого снега.

Бесстыдно крутит быстрая метель
с прохожими короткие романы.
Борта пальто срываются с петель.
Все в белом порошке, как наркоманы.

Снег забелил пустырь и магистраль,
нагородил сосулек для блезиру.
Снег сбрасывают с крыш, и, как вуаль,
он плавно расстилается по миру.

2013

Крещение

Игрушек оборвавшихся осколки,
поблѣкшей хвои спекшаяся грязь –
разоблаченье новогодней ёлки
подобно приглашению на казнь.

Погода соответствует Крещенью –
и снег искристей, и зеркальной лёд.
И прорубь призывает к очищенью
в купели, обжигающей, как йод.

2013

* * *

Вернуться в двадцать пять,
туда, где ты так близко.
Почувствовать твоё дыханье за плечом.
Помчится время вспять,
и я, как одалиска,
тебе, султан, тогда не откажу ни в чём.

Святые времена, –
их горечь не измерить, –
где истину от нас сокрыло бытиё:
когда любовь сильна,
суметь в неё поверить.
И, руку сжав твою, не отпустить её.

2014

Русалка

Скольжу в волнах серебряной торпедой.
Пронзаю толщу изумрудных глыб.
И соревнуюсь с косяками рыб.
И упиваюсь брызжущей победой.

Но в звёздный час Персея с Андромедой –
земных небес высокий архетип –
за плесками скрываю горький всхлип
о том огне, который мне неведом.

Дорожка к замку вьётся, словно полоз.
Недлинен путь, но как же он непрост.
Пляжу туда, вытягиваясь в рост.

Прекрасный принц недолго будет холост.
Возлюбленный, ты любишь дивный голос!
Но он звучит, пока змеится хвост...

2014

* * *

Неукротима майская пора.
С вечернего до утреннего часа
сшивает землю с небом звук бекаса –
вибрирующих крыльев веера
с опорой на весенние ветра.
В долине жёлто-серого окраса
разлив темнее вспененного кваса
перемывает отблески костра
над грудой полыхающих углей.
Во мраке елей явственен елей.
А на закате с ликом урагана
за кромкой снега в форме ятагана
невидимая стая журавлей
звучит воздушным трепетом органа.

2013

Вовремя

Марии Должковой

От ливней всё в природе набекрень.
Но мне и в ливни благодатно тут.
Увидела, как расцвела сирень.
Увидела, как ландыши цветут.
А если б не приехала сюда, –
как поступили абсолютно все, –
то ни сирень, ни ландыши тогда
не увидела б в истинной красе.

2013

Голубым и зелёным (Кенозёрье)

Вершины роц всё ближе к небосводу.
По берегам скопленье валунов.
Мифические тени табунов
летят по кромке, испарывая воду.

Под облаков тяжёлыми кулями,
над чернотой бревенчатых домов,
на гребнях ослепительных холмов
часовенки взмывают кораблями.

Единым духом. Чудно тонкокожны.
В груди – небес струящаяся синь.
Вздыхают «аллилуйя» и «аминь»
в священных рощах кряжистые сосны.

Кенозеро плутает островами.
Свистят ветра на сотни голосов.
Вода, как пальцы, волосы лесов
ерошит ледяными рукавами.

2013

Александрова гора

Зимы бесснежье. Серые туманы
укутывают мощь монастырей.
Дороги, словно резанные раны,
на капище влекут от алтарей.

Синь-Камень прожигает чёрной дланью
прибрежный лёд в оправе тростника.
Блестят монеты первобытной данью
Яриле, пережившему века,

где блещет бурь бесстрастная безликость
и плещется Плещеева волна...
Трепещет лент неистовая дикость
в кустах ольхи, как в гриве скакуна.

Почти не замечая христианства –
единожды усвоенной игрой –
язычеством вибрирует пространство.
Крест на горе. Синь-Камень под горой.

2014

Гулливер

В. З.

Я был смыт с корабельного борта.
Страшно вспомнить крушенья картины.
Что со мною? В силках паутины
я лежу на земле распростёртый.

Где я? Жертва чьего своеволья?
Кем захвачен и брошен, распятый?
Пряди длинных волос, как канаты,
накрутили на крепкие колья...

«Лилипуты» – неслыханно имя!
Не случилось подобного прежде –
все черты, все детали одежды
грандиозны в сравнении с ними.

Слёзы уподобляются рекам,
если плачу о дальней отчизне.
В этой микроскопической жизни
я велик, чтобы быть человеком.

1993–2014

Смертельное

Густой туман рассеялся в долине.
Его отформовал ночной мороз.
И на заре невероятный иней
волшебными кристаллами пророс.

Залёг в ветвях – причудливо изломан –
дороги обрамил в парчу и шёлк.
Всё стало сказкой. Только птичий гомон
уже с утра необъяснимо смолк.

Тревожно солнце наливалось кровью,
сдирая белый саван чудных чар.
Деревья в страхе стряхивали хлопья –
весенним всходам ядовитый дар –

и по стволам размазывали слёзы,
погибшим почкам подводя итог.
А ветер реял знаменем угрозы,
в другие дали увлекая смог.

1993–2014

Поэты

Мешая с бреднями пророчества,
родство не зная до конца,
поэты не имеют отчества,
они – наследники Творца.

С рожденья каждому завещано
его нехитрое добро –
неотвратимость Гласа вещего,
свеча, бумага и перо.

2014

Медведица

*...Медведь выступает устойчивым
атрибутом Российского государства.
Денис Хрусталёв,
«Происхождение “русского медведя”»*

Может, я и не медведь,
но медведица.
Бойся, глядя шерсти медь,
присоседиться.
Бойся, черпая с глубин
сердца золото, –
будет всё в дыму лавин
перемолото.
Бойся, если попадёшь
в сталь объятия.
Сгинут в нём и неги дрожь,
и проклятия.
Бойся, если под сосной
думу думаю,
заглянуть в души лесной
ртуть угрюмую.
Что ж стоишь ты, бел и тих,
без движения,
оловянных глаз моих
отражение?

2013

* * *

На Новый год обнимемся, заплачем
о том, что не свершилось и прошло,
кивнём под лёд улёгшимся удачам,
как под стекло.

Последний вечер утомлённой ели
иголками поблёкшими течёт.

Все конфетти, обёртки карамели
уже не в счёт.

Но бросим плакать, снова открывая
календаря кондовый кондуит,
взглянуть глазком: куда ведёт кривая?
Что предстоит?

2014

ТАКОЙ ПОРТРЕТ

* * *

из ясной синевы грома грохочут
как будто там затеян переезд
по крайней мере там перестановка
передвигают книжные шкафы
трюмо и необъятные диваны
чтоб из недостижимых углов
повымести космическую пыль
и наконец устроившись удобно
взглянуть на землю под другим углом
и новую составить точку зренья

2013

* * *

в городе детства
всё не так
всё переставлено
поломано
брошено
дождь
в городе детства
у пламени тонких свечей
тёмных соборов
грею озябшие руки

2011

* * *

сквозь солнечные очки
коричневые листья
кажутся оранжевыми
зовут склониться к подосиновiku

2011

* * *

считайте меня умной
но я оставлю за собой право
не соответствовать
вашему мнению обо мне

2011

* * *

ТОГО
кто знает себе цену
никто не сможет переоценить

2011

* * *

гроза ушла
отмахиваясь молниями
в укутавшейся полночи забыв
стук звонких капель
о дно
подставленного таза

2011

* * *

ложась спать
не забудьте отключить
голову

2011

* * *

ничего не исправить
в несовершенных творениях памяти

2011

* * *

приехать в солнечный город
залитый холодным дождём
найти брата-весельчака
ставшего мрачным брюзгой
пройти по цветущим паркам
заросшим унылой крапивой
и уехать счастливой
значит
верить в будущее

2011

на самотёк

оставив важнейшие дела жизни
на волю Господа
увидишь
что Он никуда не торопится

2011

моё имя Галина

сырые алые розы
в сырых изумрудных листьях
так вот себя и мыслю
так же мыслил меня художник
говоривший мне о любви
написавший такой портрет
сырые алые розы
в сырых изумрудных листьях

2011

«МОСКВА СЕГОДНЯ С САМОГО УТРА...»

* * *

Тьма исчезает росчерком пера,
пока идёшь от дома к остановке.
Москва сегодня с самого утра
перемеряет белые обновки.

Бесснежьем утомившая зима
за эту ночь на милость гнев сменила –
заветные отверзла терема,
раздув морозов лютые горнила.

И каждый житель вздёрнул воротник,
движения тревожно нарочиты.
Но чтобы холод в сердце не проник,
нет индивидуальных средств защиты...

2014

Весенняя охота

Большой Никитской, выводя
её фарватер,
бежит скрипачка от дождя
до альма-матер.

И не покрыта голова,
и тонкий свитер.
Её встречают деревья
и композитор.

Их отзвучали времена
и устарели.
Она смертельно влюблена,
как все в апреле.

Но не признаются ни в чём
глаза под чёлкой.
Футляр со скрипкой за плечом
блестит двустволкой.

2013

Снегопад к чаю

Размерно по улице Арбат
гружёные «Камазы» едут строем –
везут позавчерашний снегопад.
Он почестей особых удостоен.
И чудится, что у грузовиков
не кузова, а чайные стаканы,
что белоснежный сахар облаков
нам накололи к чаю великаны.

2013

Летний сонет (Сретенский бульвар)

Пропитан город липовым отваром
и отражён в асфальте, как во льду.
Всё плавится у полдня на виду
неуловимым призрачным муаром.

Над крышей пухнет облака опара.
Сползает вниз. Кольшется в пруду.
Кого блондины ветреные ждут
на тёплых скамьях пыльного бульвара?

Куплю привядший простенький букет.
Вдохну, забудусь, в сквер сверну некстати.
А там найдётся ветреный мечтатель
с журналом недочитанным в руке.

В предчувствии счастливого билета
присяду рядом в эпицентре лета.

2000

Песчаные улицы

Лепнины излишества лепятся к корпусу дома,
засевшего в мелях и вросшего в старые дни.
Его обтекают машины, прогрессом ведомы,
но кажется дому, что движется он, не они.

Вокруг поднялись многолетние клёны и липы,
до палубы крыши ветвями шутя достают,
собой заслоня советских времён морфотипы,
лиственной оживляя устойчивый сумрак кают.

Сошли пассажиры осваивать новые земли.
Закуталось прошлое в дождь и туманы до пят.
Забывтый корабль возле русла песчаного дремлет.
И ночью во тьме не деревья, а мачты скрипят.

1994–2014

Школьное

Плескали липы ветками упруго,
и через площадь, солнце, облака
с балконов мы смотрели друг на друга
в предчувствии последнего звонка.

И был обмен сигналами прекрасен.
И нас несли, покинув плен стены,
ладьи балконов в кружеве балясин,
весеннему течению верны.

Качаемые ветра бурунами,
мы смело рассекали синеву.
Пространство сокращалось между нами,
как будто не в мечтах, а наяву.

Но к поцелую двигаясь на ощупь
в потёмках парка, в липовой пыли,
мы не могли забыть про эту площадь.
И никогда её не перешли.

2014

Пей до дна

Ветра надраивают, дую,
зимы лиловый чароит.
В мешок обёрнутая туя,
как привидение, стоит.
Но днями невообразимо
сияют небо, облака!
Давно пора забыть про зиму,
весна не то чтобы близка, –
она играет пузырями,
клянёт капелью зиму вслух,
и ноздреватый снег ноздрями
сосёт её тлетворный дух,
летающий мимо контролёров
до дна метро большой Москвы, –
дух свежекрашенных заборов,
как обещание листвы.

2013

**тотемы Манизера
(станция «Площадь Революции»)**

ножка ребёнка
туфелька женщины
голова петуха
флажки матроса
гранаты в руке партизана
но в первую очередь
умные морды собак
натёрты до блеска
до исчезновения
горячей рукой мегаполиса
простодушно готового
верить
в сказки

2014

станция «Октябрьская-кольцевая»

искусственные сумерки за чугунной оградой
по бокам фонари
назначу свидание у левого
буду смотреть сквозь ограду
на синюю краску сумерек
они кое-где облупились
и видно что раньше
колер был более нежный
голубизна детского воспоминания

2010

По часовой

В душе разлит необратимо
бесцелья яд.

Уйду туда, куда сквозь зиму
глаза глядят.

Но предоставит жизнь услугу
ещё свежей –
мне круглый день кружить по кругу
в кругу бомжей.

2014

* * *

тихий дождь
стирает с города ладонью
зимнюю пыль
иду
не спеша
не прячась
пусть согрёт и с меня

2005

Взрыв в Домодедово

что мы хотим друг другу сказать
когда убиваем друг друга?

21.01.2011

Марфо-Мариинская обитель

Глубокой снежной целиной
иду от храма до креста.
И только Спас один со мной.
И тишь Великого поста.

Свечи колеблемый огонь.
Огонь мерцающих лампад.
Взлетает шарф и, как ладонь,
ощупывает снегопад.

В аквариумно-золотой
подкупольной голубизне
с неизъяснимой простотой
Мария отвечает мне.

Покои тьмой заволочло,
но на перилах слабый свет
и еле слышное тепло
руки святой Елисавет.

2010

Цветы говорят

В метро кого-то там и тут
букеты с юношами ждут.
И нет нужды цветы считать –
их три, пятнадцать, девять, пять –
всегда нечётно, – есть обряд,
примета, люди говорят.
Но коль цветы у старика
ты разглядишь издалика,
считать не надо, сколько есть,
их два, четыре, восемь, шесть.

2013

Никитский бульвар

Троллейбуса покинув синий борт,
ступлю на бесконечную аллею.
И мнится, никогда не одолею
её конвой. Или её эскорт?

Другой конец – намеченная цель.
Туманный путь – кратчайший из возможных,
стальным мечом, покоящимся в ножнах,
указывающий: отсель – досель.

А в точке схода долгожданный кров.
Мои пути всегда – к нему прологи.
К объятиям, что ждут меня в итоге,
иду одна под сводами ветров.

И, соблюдая линий прямоту,
неторопливо, с ангельским терпеньем
тумана ледяное онеменье
сдвигаю, как надгробную плиту.

2014

Прогулка по старой Москве

В кривых переулках с домами вразвалку,
в дворах неглубоких, просевших в пыли,
большая Москва предстаёт коммуналкой,
откуда мы некогда произошли.

В прихожей стоят, ожидая трамвая,
валяется пёс посреди мостовой,
и четверо, косточки перемывая,
судачат с торчащей в окне головой.

Везде лоскуты незатейливой травки
изъяны паркета прикрыли собой.
Над парочкой, тесно сидящей на лавке,
взволнованно вертится шар голубой.

1994

Апрель

Старушка в киоске осела на треть,
вздремнула под крышей берета.
Проказливый ветер спешит подсмотреть,
о чём сообщает газета.

Троллейбус срывается за светофор,
и слышно: «Конечная – «Сокол».
Торговец бананами, глядя в упор,
морковку жуёт философски.

Погода с подвохом. А день продувной
весёлыми кознями занят,
с утра высылает на встречу со мной
людей с голубыми глазами.

1994–2009

Путь святого Иакова (в Сантьяго-де-Компостела)

Священные дары неоспоримы –
земля рождает хлеб и виноград.
Идут века, и с ними пилигримы
размеренно идут вдоль автострад.

Рюкзак и посох, и простая фляга,
чтоб на ходу водицы отхлебнуть.
Не нужно карт, стремящимся в Сантьяго
условный знак указывает путь.

Морской волнистой раковины створка
как символ чуда, вверенный векам,
её везде высматривая зорко,
паломники идут по гребешкам.

Их терпеливо ждёт святой Иаков.
Идут к нему, как всадники со дна,
за шагом шаг в цепи священных знаков.
Окончен путь – душа обновлена.

2011

В Кантабрийских горах

В. Н.

Церковь Санта-Кристина-да-Лена.
Чем древней, тем пронзительней ново.
Трепеща, преклоняю колена
у алтарного камня резного.

Палых листьев шуршащий пергамент
тускло светится золотом раки.
Обегают обитель кругами
без конца две большие собаки –

Свет и Тьма. Римский профиль и кивер
синих скал различаю всё хуже.
Входит в храм золотистый ретривер.
Чёрный сеттер ложится снаружи.

2011

Лавка ароматов

Виталию Бабенко

Белы дома. Сыпуч кунжут.
Как по ущелью,
к заветной лавке подхожу
с заветной целью.

Рукой циновку отвела.
Во тьме как угли
флаконы красного стекла.
Хозяин смуглый.

Я, обернувшись к пузырькам, –
духам и ядам, –
сказала: «Дайте... фимиам!»
Он дал мне ладан.

2013

Церковь Феодосии

*Церковь Феодосии –
ныне мечеть Гюль-джами
(Gül Camii – Мечеть роз)
в районе Фатих Стамбула.*

Синева настагает у Гюль-джами,
тонким месяцем чиркает по глазам,
осыпает алмазами, как Сезам.
Ты меня незаметно приобними.

Ты Синан или Джелал-ад-Дин Руми?
Истлевает закатная бирюза.
Свет и музыка в городе. Рамазан.
Скину туфли у входа, и ты сними.

Тут в апсиде ковры алтарю взамен,
и отчётливый юго-восточный крен.
Но в исходной оси навсегда восток.
Чёрным выступом каменный водосток.
С высоты своих византийских стен,
Гюль-джами, оброни в ладонь лепесток.

2008–2014

Bona sera a Venezia

Цветных палаццо тканая шпалера
выстраивается на водопой.
Прекрасная сеньора, bona sera,
куплет заветной песенки пропой!

В глазах под маской плещутся загадки.
На ярких перьях золота следы.
Рябят плаща изломанные складки
нефритом всеобъемлющей воды.

Твой лик века из мрамора ваяли,
но ты не город, ты – архипелаг.
Медлительны гондолы, как рояли, –
резьба и бархат, золото и лак.

Зефиром бело-розовых фасадов
отныне не наестся никогда...
Вечерний дождь с пленительной прохладой.
Огни и блёстки, пенье и вода.

А в ночи глаз колеблется подсказка.
Восторг и страх. Разгадка налицо, –
прекрасная сеньора, эта маска –
твоё неповторимое лицо.

2014

* * *

Узнать на ощупь мраморную вязь
в сужающихся улиц коридоре,
на сахарную голову дивясь
резной Санта-Мария де ля Фьоре.

Взойти на купол, поручней металл
до боли стиснув в страхе оступиться,
взглянуть, как ливень синью обметал
террасы Бóболи и пиний вереницы,

и как из-за обшарпанной стены
волюта выступает, словно ухо,
вбирая анекдоты новизны,
о старине умалчивая глухо.

В барочном благолепии дворца
постичь спиралей гибкую пружину.
В парадных анфиладах без конца
влюбляться в лица фресок Перуджино.

И улететь, катая в горле ком,
мир сквозь иллюминатор мониторя,
но завязав на память узелком
лазурь Адриатического моря.

2011

Помпеи

Тут красной нитью чёрной смерти слава.
Всё прочее отныне ни при чём.
Цветущий город словно сургучом
навек запечатывает лава.

На росписях весёлые амуры,
отплясывает фавн, и вместе с тем –
вскипевшая порода в кладке стен,
обкусанные жаром каннелюры.

Страница огнедышащих историй,
оставшихся у эры на слуху.
Галдящую людскую шелуху
несут ветра сквозь древний крематорий.

Руины как запёкшаяся рана,
облепленная мухами с утра.
Из синевы лиловая гора
взирает с равнодушием тирана.

2011

В гостях у графини

Корень в фамилии Каноссы «канне» – собака.

Оранжевой помады китч
и полосатая толстовка.
Значенье титула постичь
располагает обстановка.

Достоинство и нищета –
фактура жёсткой антитезы.
У ренессансного холста
остатки фресок Веронезе.

И всюду подлинности знак.
Честь и на слове, и на деле
в могучих каменных стенах –
проект Микеле Санмикели.

Бомбили время и война,
но не повергли на колена, –
здесь родовые имена
Матильда или Магдалена.

Сидеть на хлебе и воде –
в Вероне говорят – на луке.
Палаццо и в лихой нужде
не перешло в чужие руки.

Простясь, уйду под бой часов,
фасад оглядывая снизу,
где вереница гончих псов
упрямо мчится вдоль по фризу.

2014

Вдоль побережья (Сперлонга)

Когда на верёвках висят полотенца для сушки,
зелёные, синие, словно цветастый косяк
играет в лазури, где реют стрекозы и мушки,
когда утомительный день утомлённо иссяк,
уйдём из домишек, нависших, как белые глыбы,
над гладью песка, уравнившего все времена,
до грота Тиберия, – там пресноводные рыбы
в зелёных бассейнах лениво блуждают у дна.

2011

Синева в Кортоне

В Кортоне, где мыслители, как дети,
вычерчивают знаки на песке,
мне повстречался физик-теоретик,
молчавший на немецком языке,
но, словно итальянец, смуглолицый.
Под веками в блестящей глубине
искрило оперенье синей птицы,
порхающей по пиниям, по мне...
Заглядывая в портики и арки,
лицом к лицу сойдясь, минуты две
мы целовались весело и жарко
под быстрыми стрижами в синеве,
смеясь, шепча бессмысленно и скоро.
И я в Кортоне словно не была.
Не видела могилу Пифагора,
ни башни, ни собор, ни купола.

2011

У фонтана

А. В.

*Препарато (preparato, ит.) –
предварительно оплаченный кофе,
род благотворительности, зародился
в Неаполе.*

Висит дождя немая подоплёка,
до глянца натирающая след.
Вплотную струй волнующихся клёкот,
неисчислимых волн кордебалет,
удары брызг отчётливы и метки,
внезапны, увернуться не успеть.
А им наперерез летят монетки,
пронизывая брызжущую сеть,
ложась на дно, со дна блестя богато, –
со всей земли, со всех её концов, –
как неаполитанский рпреарато
для нимф, тритонов и ночных ловцов.

2011

Дикая Лукания

*Христос остановился в Эболи.
Карло Леви*

Бесшумные разбойничьи набеги.
Ущелий всеобъемлющий простор.
Не защитят молитвы, обереги
на козьих тропах неприступных гор.

Где кларнетист сорвался, брезжит вежа,
и музыка звучит издалека.
Ночной порой доносится, как эхо,
протяжный стон из пропасти Стрелка.

Тут неизвестны радость и веселье,
все проклинаят тяжкое житьё.
Тут женщины подмешивают зелье
в объятья, поцелуи и питьё.

По-колдовски безмолвны и суровы.
И угли глаз. И чернота волос.
И что им христианские основы, –
ведь не пошёл за Эболи Христос.

2013

Морские звери (Балтийское побережье)

Тёплый вечер расстаться не даст нам уже, может статься.
Катят наискось волны и с грохотом тонут в песке.
После каждой седьмой – по колено в воде целоваться,
обниматься впотьмах от крушения на волоске.

И мерещится – в море какие-то чёрные звери,
где-то звёзды – вверху или только в глазах – неспроста, –
но свирепые тени стремительно мчатся на берег,
из-под каждого гребня кидаюсь, как из-под куста.

Нескончаем поток полуночных гуляк променада.
Слышен хохот пловцов, получающих плещущий стресс.
Грандиозный завод гонит вал – за монадой монада –
шлёт волну за волной. И гудит непрерывный процесс.

2014

Мальборк

Горячая громада кирпичей –
система башен, стен и переходов.
Стрекочущий рассказ экскурсоводов.
Но умер ты, и ты давно ничей.

И больше не мечтаешь ни о чём.
Но лишь уйдёт последний посетитель,
из прошлого является зритель –
тевтонский призрак в латах и с мечом.

Один, не на войне, не на пиру,
глядит на мебель в тёмных покрывалах,
сердито ворошит в пустынных залах
билетов и буклетов мишуру.

В капелле, где с неведомых времён
покоятся одиннадцать магистров,
благоговейно, – скорбен и неистов, –
всегда колена преклоняет он.

Стирает пыль с надгробий, а затем
всё молится на языке забытом,
покуда солнце огненным копытом
не разобьёт покой массивных стен.

Но стоит ночи выткать свой узор,
и можно, затерявшись в тёмной гамме,
увидеть, как тяжёлыми шагами
тевтонский рыцарь выйдет на дозор,

уже не узнавая прежних мест...
И белый плащ. И кованые латы.
И жёстче, чем любые постулаты, –
на белом фоне явствен чёрный крест.

2014

Янтарный Гданьск

E. Z.

Море моет песок, вдоль косы шелестя янтарями.
Над остывшей землёй день и ночь
шелестит листопад.

О далёкой весне вспоминающие невпопад,
корабли задремали у мола, простясь с якорями.

На краю холодов колыбельные песни пропеты.
Старый город по самые шпиль зарылся в листву
и забылся. Осенние кроны шуршат наяву,
осыпая дороги, ступени, траву, парапеты.

Оглянусь, уходя сквозь гремучих дубов пропилеи,
хором охр возвещающих царственный заупокой, –
старый пан, провожавший меня,
на пустынной аллее
в янтаре листопада застыл с вознесённой рукой.

2013

СОДЕРЖАНИЕ

Перламутровый сор

«Здравствуй, дорогая! С первым снегом...»	5
Облако-единорог	6
«Прекрасное тепло, привет, Июль...»	7
Сизифов камень	8
Она идёт!	9
Весенняя зарисовка	10
Пасха (Борисоглебск)	11
Старинный мотив	12
«А лето так и длится – без затей...»	13
Я буду камнем	14
«Сошла с шестого этажа...»	15
«Бескровно небо. Голову вбивает...»	16
Шёл снег с дождём	17
Розовый куст	18
Ивану	19
Коломна	20
«Затворов заскорузлых ржавый скрежет...»	21
«На небе пасмурная взвесь...»	22
Озеро Усмынь	23
Смешалось время	24
Всё снег	25
Крещение	26
«Вернуться в двадцать пять...»	27
Русалка	28

«Неукротима майская пора...»	29
Вовремя	30
Голубым и зелёным (Кенозёрье)	31
Александрова гора	32
Гулливёр	33
Смертельное	34
Поэты	35
Медведица	36
«На Новый год обнимемся, заплачем...»	37

Такой портрет

«из ясной синевы грома грохочут...»	38
«в городе детства...»	39
«сквозь солнечные очки...»	40
«считайте меня умной...»	41
«того...»	42
«гроза ушла...»	43
«ложась спать...»	44
«ничего не исправить...»	45
«приехать в солнечный город...»	46
на самотёк	47
моё имя Галина	48

«Москва сегодня с самого утра...»

«Тьма исчезает росчерком пера...»	49
Весенняя охота	50
Снегопад к чаю	51
Летний сонет (Сретенский бульвар)	52
Песчаные улицы	53
Школьное	54
Пей до дна	55
тотемы Манизера (станция «Площадь Революции»)	56
станция «Октябрьская-кольцевая»	57

По часовой	58
«тихий дождь...»	59
Взрыв в Домодедово	60
Марфо-Мариинская обитель	61
Цветы говорят	62
Никитский бульвар	63
Прогулка по старой Москве	64
Апрель	65

Лавка ароматов

Путь святого Иакова (в Сантьяго-де-Компостела)	66
В Кантабрийских горах	67
Лавка ароматов	68
Церковь Феодосии	69
Vona sera a Venezia	70
«Узнать на ощупь мраморную вязь...»	71
Помпеи	72
В гостях у графини	73
Вдоль побережья (Сперлонга)	74
Синева в Кортоне	75
У фонтана	76
Дикая Лукания	77
Морские звери (Балтийское побережье)	78
Мальборк	79
Янтарный Гданьск	80

Щербова Галина

Вовремя

Оформление серии *Алина Новикова*
Компьютерная верстка *Татьяна Скубенко*

Подписано в печать ??????

Бумага офсетная

Формат 84x108/32

Гарнитура «Углетена»

Усл. печ. л. 2,6

Тираж ???? экз.

Заказ № 528

ИПО «У Никитских ворот»
121069, г. Москва, ул. Большая Никитская, д. 50а/5, стр. 1
тел.: (495) 690-67-19
www.uniki.ru